

БОРИС КОШЕЛЕВ

ОККУПАЦИЯ

Из воспоминаний военного детства

В середине июня 1941 года высыпало такое количество грибов, что старожилы с трудом вспоминали годы, когда бывало такое грибное изобилие. Деревенские бабы собирали грибы, сушили, варили, жарили. Особенно много было белых грибов, мощных боровиков. “Много белых – к войне”, – говорили мудрые, бывалые старожилы.

И вот война уже на пороге Терников, моей деревни в Калужской области. Никто из жителей и подумать не мог, что немцы окажутся в наших краях. А ведь могли бы сделать запасы, тайники с продуктами. Нет, надеялись на русский “авось”. А “авось” не получился. Осенними днями услышали впервые далёкие разрывы снарядов, похожую на раскаты грома канонаду, стали пролетать над деревней самолёты с чёрными крестами, стёкла в окнах дребезжали, собаки жалобно скулили и забивались в укромные уголки. Людей на улицах уже было не видать, да и птицы куда-то улетели, как перед большой грозой. Хмурыми октябрьскими днями прошли на восток через деревню последние красноармейцы, и остались в сердцах деревенских жителей только лютый страх и растерянность.

Бедная деревня Терники! С древних времён выживал здесь сухожильный калужский мужик. Почва бедная – суглинок, и если бы не унавоживали её, вообще скудный был бы урожай. Но навоза всегда доставало. Скот всякий водился, и у каждого двора прела куча коровьего, лошадиного, поросычьего и куриного помёта. И ежели не случалось засухи, то урожаи бывали хорошие. Много потрудились здесь крестьяне, много здесь было пролито поту, и не только трудового. Деду моему Егору Ивановичу рассказывали его дед и отец о далёких прошедших годах. Помнили прадед и прапрадед войну 1812 года. Тогда, после победы под Тарутином, Россия ободрилась духом, люди стали верить в победу. И первые победы одерживали русские войска в наших местах. В соседней деревне Леташовке были сильные бои. Л. Н. Толстой описывал в своём романе “Война и мир” смерть Пети Ростова, а это случилось как раз в нашей деревне Леташовке. Здесь Наполеон решил прорываться на юг, на Калугу, не по Старой Калужской дороге, а по Новой Калужской, и именно в деревне Леташовка французская армия резко свернула направо, в село Угодский Завод, а некоторые отряды французов появились и в Терниках.

КОШЕЛЕВ Борис Петрович, художник из Калужской области, написал воспоминания о своём деревенском детстве, о времени оккупации его родной деревни Терники немецко-фашистскими захватчиками в октябре 1941 — январе 1942 гг.

Через Терники они шли на Малоярославец, где произошли сильнейшие бои, и решилась судьба той войны. Недаром сражение под Малоярославцем называют «вторым Бородино». Леташовка знаменита ещё тем, что в ней какое-то время располагался штаб Михаила Илларионовича Кутузова. Долго там сохранялась изба, где останавливался великий наш полководец.

Мюрат был разбит под Тарутино 19 октября 1812 года, а спустя 129 лет, 19 октября 1941 года, немецкие войска захватили Угодский Завод. Началась оккупация, от которой остались могилы немецких солдат, расположившиеся рядом с французскими могилами.

Всех приняла и успокоила наша земля!

Сразу же начались большие испытания для всех жителей наших мест. До прихода немцев М. А. Гурьянову – председателю райисполкома Угодска – позвонили от генерала Г. К. Жукова и просили помочь скорее эвакуировать из деревни Стрелковка мать и сестру Жукова. Это мой брат, которому тогда было 10 лет, услышал из разговоров взрослых. Гурьянов чётко выполнил просьбу. Через Угодск провозили раненых, шли обозы с различным снаряжением, заранее была эвакуирована различная скотина.

Немцы вошли в нашу деревню строем, сверкая блеском касок и оружия, чак видно, ничего не опасаясь. Вдруг со стороны горки Кожанки раздались ружейные выстрелы. Какой-то одинокий красноармеец стал стрелять по немцам, прячась за толстой берёзой. Немцы обрушили на него шквал огня из автоматов и винтовок. Окружили со всех сторон, ранили и раненого взяли в плен. Что с ним случилось дальше, мне неизвестно. Это один из тех безвестных героев, которыми полна наша земля. Но появились и в нашей деревне первые потери. Немецкая пуля убила старого нашего плотника Семёна Петровича, который вышел из своей избы посмотреть, что за стрельба. А немцы его и застрелили. Похоронили крестьяне его тут же на поле, поставили неприметный деревянный крестик. С годами могила эта заросла и сравнялась с землёй, поле перепахали, и ничего не осталось. Растёт на поле высокая рожь, да жаворонки заливаются в голубом небе радостными трелями, поминая просто-го русского человека.

Так началась оккупация, которая продлилась в нашей деревне два с половиной месяца до Рождества 1942 года.

Вместе с оккупантами в нашу деревню вошёл и специфический, какой-то кислый немецкий запах, который почувствовали сразу не только жители, но и куры, и гуси, и утки, которых у нас до войны было множество. Этот запах сулил им скорую гибель в немецких котлах, известно, немцы большие охотники до всякой птичины. Сначала пошла под нож оккупантов домашняя птица. Потом принялись за свиней, овец, коз. Доили и пили молоко от наших коровушек. Потом забрали на убой нашего телёнка – годовалого бычка, но тут, как видно, напоказ проявили свою «цивилизованность» – кинули нам несколько замызганных бумажных дойчмарок и ждали, что мы будем этому несказанно рады. Эти марки до сих пор хранятся у моего дяди Александра Егоровича как своеобразный сувенир, память об оккупации.

Поваром у немцев был толстый француз, он ловко управлялся с огромными котлами немецкой полевой кухни. Кухня дымила и постепенно переваривала в своей утробе всю нашу живность. На другой стороне деревни оккупантами была устроена большая конюшня, при ней находились вместительные немецкие фургоны, крытые брезентом. Сколько их потом валялось поломанных по обочинам дорог, когда немцы дали дёру! Но пока что они располагались в наших краях основательно. Устраивали в каждой деревне свою местную власть, назначали везде старост. Староста в каждом селе должен был, прежде всего, выдать немцам всех коммунистов и комсомольцев, он должен был поставлять немцам дичь, скот, назначал, кому пилить дрова для немецких кухонь, рыть траншеи, и прочие провинности.

В Терниках они назначили старостой Бузулкина Сергея, и Бузулкин первым делом решил сдать на расправу оккупантам единственного коммуниста нашей деревни Василия Андреевича Кукушкина. Несколько крестьян, в том числе и мой дед, пошли к этому старосте и чуть ли не в ногах у него ползали, умоляя не выдавать земляка. Что-то сработало у него в душе – он не выдал. Но зато по отбору у наших жителей кур, гусей и прочей живности – ему не было равных. Обычно он вламывался в дома с немецкими солдатами и под уг-

розой оружия отбирал птицу и скот. Так дом за домом. Так же жестоко гнал местных жителей на рытьё окопов для немцев. После войны этот Бузулкин был арестован и попал под военный трибунал. Поделом.

В нашем доме поселились самые большие офицерские чины с их прислужниками. В Ивановском овраге было вырыто много блиндажей, оборудованных всем необходимым. По дорогам, вдоль улиц деревень стояли военные пропускные посты. Разъезжали грузовые и легковые машины, ездили немцы на мотоциклах и даже на велосипедах. На окраине деревни видны были стволы зенитных установок, стояли пулемёты, миномётные батареи. На лужайке перед нашим домом поставили большой крупнокалиберный пулемёт. По всей видимости, оккупанты устроили у нас своего рода перевалочную базу, потому что подходили всё новые и новые немецкие части, но долго здесь не задерживались, их отправляли дальше – на Тарутинское и Наро-Фоминское направления – на Москву...

Кого здесь только не было! Через нашу деревню прошли немцы, чехи, румыны, финны, французы. Похоже, вся Европа явилась в нашу бедную деревню, а зачем, что понадобилось им у нас? Видно, что-то влечёт их сюда, неотступно тянет, если каждый век повторяются такие нашествия.

Для всех жителей деревни дни пребывания немцев казались бесконечно долгими и утомительными. Два моих дяди, тогда ещё подростки, Константин и Владимир, принесли из леса брошенную нашими солдатами рацию, положили под настил в сених. Немецкий офицер её увидел и пристал к моему деду Егору Ивановичу с допросом и угрозами: “Со Сталиным разговариваешь?! Повесим!”. Уже готовилась виселица, но наши ребята убедили немцев сходить в лес и посмотреть, что там этого добра валяется огромное количество, немцы успокоились. Но для деда это было тяжёлым испытанием.

Так вот, расположив в нашем доме свой штаб, немцы приказали всем нам жить на кухне, а кухня была небольшая, да ещё половину занимала русская печь. Рядовые немецкие солдаты разместились в следующей комнате вместе с младшими офицерами, их было человек 14, а два высших офицера расположились уже в следующей комнате. Комнаты были завалены сеном и соломой – на неё немцы стелили свои матрацы. Звенели посудой, котелками, флягами, пахло кофе, чая немцы не пили, один кофе и какао. Выпивали шнапс и приходили в весёлое расположение духа. Вытаскивали наш советский патефон и крутили “Рио-Риту”, некоторые солдаты на губных гармошках поддерживали этот заводной ритм. Всё это происходило под иконами, под ними гоготали раскрасневшиеся немцы. Видя нашу бедность, они, наверное, чувствовали себя “просвещёнными” и проявляли своё “превосходство” над “дикими туземцами”, а именно, объевшись нашей курятиной и другой живностью, громко пердели, причём устраивали из этого своего рода состязание. Горох, капуста и другие овощи способствовали этому занятию. Ничего не скажешь – цивилизованные люди пришли к нам с Запада!

После обеда они снимали свои гимнастёрки, другую одежду, ловили вшей, тащили расклёбанные утюги с загнеток и тщательно проглаживали свою одежду. Вшивость у них была страшная. Почему-то особенно обовшивели солдаты. Один из них прибыл с передовой линии и, замученный зудом, стащил с себя гимнастёрку и сунул её прямо в печку, где варились щи. Агафья Дроздова стала отталкивать солдата, а тот сопротивлялся, полез в драку. Агафья схватила ухват и прижала этим ухватом немца к стене. Немец потянулся за винтовкой, но в это время его гимнастёрка в печи вспыхнула, и вся изба наполнилась дымом. Вбежал немецкий офицер и ударил прикладом винтовки своего вшивого солдата в лицо. Такой конфуз для немцев получился!

Два месяца пребывания немцев в Терниках сказались, конечно, на местных жителях. Кое-кто начал усваивать немецкие слова и выражения. Даже я, двухгодовалый мальчик, начал что-то лепетать по-немецки. Немцам это нравилось, они давали мне печенье, шоколадки, я старался вовсю. Но вот однажды я свою маму назвал “мутер”. Мама, ни слова не говоря, берёт ремешок в руки и всыпает мне, приговаривая при этом: “Не надо так говорить, а надо вот эдак!” Вот такой урок патриотизма получил я ещё в раннем детстве.

Пришла вторая половина ноября 1941 года. Бои под Москвой завязывались всё круче и круче. Немцы уже были не такие весёлые, как вначале. Они понимали, что им готовится горячий котёл. Готовились к этому, да и зима надвигалась суровая, как никогда, шла помощь русским, а немцы к зиме не

были готовы – лёгкие шинели, холодные сапоги, все эти их шмотки: перчатки, пилотки – не грели на морозе. А Советская Армия была хорошо одета в меховые полушубки, валенки, и перчатки-варежки у наших солдат были особые с отдельным указательным пальцем для удобства при стрельбе. А морозы в ноябре всё усиливались, лежал хороший снег, завывали леденящие метели.

Немцы стали совсем грустными. Обычно вечером те, кому предстояло рано утром отправляться на передовую, писали прощальные письма своим родным и близким. Они прощались даже с нашими деревенскими жителями. Отдавали подчас свой шоколад, печенье. Мужикам дарили сигареты. Все они были уверены, что идут на верную смерть, и в них, в оккупантах, просыпалось что-то человеческое. Один пожилой немецкий солдат по имени Феликс, лёжа на нашей деревенской печке, долго разговаривал с моим дядей Владимиром, путая слова, подбирая что-то по-русски. Он ругал Гитлера, называя его главным злодеем, что загнал его сюда, а Сталина он боялся. Феликс был добрым немцем, помог моей матери, даже отдал ей какие-то вещи. Этого немца мы до сих пор поминаем добром. Вспоминается также один молодой француз. Трогательный мальчик, видно, избалованный своей мамой у себя в тёплой Франции, он совершенно не подходил для того, чтобы стрелять, убивать. Он делился с моим братом всякими вкусностями, что присылала ему мама из далёкой его родины. Катался с ним на лыжах. Таких много было, когда злая воля немецкого фюрера пригнала умирать под Москву. И жалко их, а что поделать – такая вот судьба их оказалась горькая! Можно было только им пожелать, чтобы при первой возможности они бы сдались в плен.

Но вот и в Терниках обстановка изменилась. Жители притихли ещё больше, немцы стали агрессивнее, предвидя своё скорое поражение. Привели в дом пленного советского офицера, на допросах он не шёл на контакт, отмалчивался, и немцы решили его расстрелять. Его вывели из дома в сопровождении двух автоматчиков и повели в овраг. Проходя мимо моей матушки, он что-то незаметно бросил на землю. Это оказался зашитый в хлястик шинели орден Красной Звезды. Видно, офицер хотел, чтобы потом по номеру на ордене можно было установить его владельца. А мы с братом Сашкой сплеховали, взяли и зарыли этот орден в землю в овраге, а после не смогли его найти. Так и остался этот офицер безымянным. Мать слышала выстрелы и его смертельный стон. Кто он был, этот безымянный герой? А по ордену всё могли бы узнать и родственникам сообщить. Но вот излишняя трусость всё загубила. Это урок на всю жизнь.

6 декабря 1941 года началось по всем направлениям наступление советских войск. Между Тарутино и Наро-Фоминском развернулись горячие бои. Не по-зимнему одетые, уже деморализованные немецкие отряды спешно покидали свои позиции. Груды трупов валялись по всем дорогам, полям, перелескам. Моя матушка уже после войны говорила, что горы солдатских трупов вдоль дороги от Варшавского шоссе до станции Балабаново никого в эти дни не удивляли. На южной стороне, по брустверу, валялись немцы, а на северной стороне, откуда шло наступление, лежали убитые русские. Снег был кровавый вокруг... Валялись каски, винтовки, автоматы, фляги, подбитая искорженная техника. Страшная жатва войны!

Перед приходом наших войск немцы нашу деревню Терники выселили. Ранним морозным декабрьским утром к нашему дому подъезжает грузовик, выходят солдаты. “Шнель, шнель!” – раздаётся команда всем садиться в машину. Брать с собой ничего нельзя. В доме осталась корова, полный подпол картошки, закрома зерна, свёклы, моркови. Стояли бочки с капустой, огурцами... Всё заставили бросить. Не передать того, что мы пережили. Ведь на верную голодную смерть везли. И куда едем? Проехали Малый Ярославец, доезжаем до Ильинского, сворачиваем налево. Прозвучала команда всем вылезать. Вылезли. Темно. Машины развернулись и уехали. Кто-то догадался захватить с собой топор, срубили берёзу, разожгли костёр. И так всю ночь провела у костра несчастная деревня Терники. Этот топор спас нам жизнь и достоин, наверно, быть экспонатом музея Г. К. Жукова, что находится в Угодском Заводе (ныне Жуков). Потом нашли деревню Подсосино, там и обосновались.

...Выжить – было самое главное. И если немцы никого не тронули, то разразившаяся эпидемия дифтерии унесла много, особенно малых детей. От дифтерии умер мой двоюродный брат Володюшка, а ведь мы ели с ним из од-

ной тарелки. А я не заразился – Бог сохранил. Умирили другие. А тут ещё немцы, отступая, жгли деревни, сёла, угоняли последний скот.

И вот в ночь на Рождество закончилась проклятая оккупация! Помню, эту ночь мы встретили, забившись в погреб, чтобы нас не обнаружили отступающие фашисты. Дед молился, да и ночь-то ведь какая была – Рождественская! Где-то шла ночная Божественная служба, а мы сидим под снарядами в душном погребе, околевая от мороза. Дед молится. Эту ночь я запомнил на всю жизнь. Когда вылезли в жуткий мороз, немцев уже не было.

Вся деревня радостно вздохнула. Мимо уже шла наша советская техника, преследовавшая врага, в Подсосино собирали погибших солдат, советских и немецких. Наши захоронили в одной братской могиле. Немцев закопали всех в одной вырытой траншее на противоположной стороне деревни. Моя матушка говорила, что множество трупов уже не вызывало страха, чувства где-то спрятались. Мы удивлялись, что сами остались живы. Такое было Рождество Христово 1942 года!

Что мы увидели, когда вернулись в нашу деревню? А увидели страшную картину разрушений, обугленных домов, пахло гарью. В деревне был бой. Наши солдаты, захоронив своих погибших, ушли дальше в наступление, а обмороженные, заледеневшие трупы оккупантов долго ещё валялись в снегу. Когда деревню немного привели в порядок, то мёртвых немцев собрали в кучу, облили бензином и сожгли. Среди сожжённых были и наши старые знакомые вражеские солдаты. Кто их теперь помянет! Так в Рождественскую ночь закончилась проклятая оккупация.

А память осталась.